

ЧАРА ВЛАДИМИРА ДАВЫДОВИЧА КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ

© 2012 г. А.А. Медынцева

Институт археологии РАН, г. Москва

Ключевые слова: черниговский князь Владимир Давыдович (1139–1151), черновая и чеканная надписи на чаре, палеография, диалектизмы языка, художественная ценность.

Среди трудов М.Д. Полубояриновой книга «Русские люди в Золотой Орде» занимает особое место. В ней успешно соединены и обобщены многочисленные письменные свидетельства и предметы материальной культуры, касающиеся пребывания русских людей на территории Золотой Орды, создав убедительную картину их жизни (Полубояринова, 1978). После Батыева нашествия в течение долгих столетий продолжались контакты Руси и завоевателей. Помимо письменных источников, свидетельством тому является целая серия предметов прикладного искусства, среди которых и вещи, попавшие в Орду в результате погрома, и целая серия произведений, объединяющих черты древнерусского и восточного ремесла, сделанных уже в городах Орды. Как правило, это рядовые предметы, но среди них, встречаются и уникальные, такие, как чара Владимира Давыдовича и ковш Дмитрия Круждовича (находка, сделанная уже после издания монографии М.Д. Полубояриновой). Обе находки уникальны как по материалу, так и по наличию на них древнерусских именных заздравных надписей. На эти подписные артефакты хотелось бы еще раз обратить внимание, так как до сих

пор нет единого мнения ни о датировке, ни об их отношении друг к другу.

Серебряная чара черниговского князя Владимира Давыдовича принадлежит к числу замечательных произведений древнерусского художественного ремесла. Она была найдена при раскопках Царевского городища (интерпретируемого как одна из столиц Золотой Орды – Сарай-Берке) в 1843 г. Первоначально она находилась в Эрмитаже, откуда поступила в 1853 г. в Оружейную палату Московского Кремля. В настоящее время чара находится в ее экспозиции (№ 2106). Это большая серебряная с позолотой плоская чаша, выкованная из цельного листа серебра. Ее диаметр 32–34 см, высота – 11 см, объем около 8 литров. По верхнему краю вычеканена двойным контуром заздравная надпись, фон обработан канфарением. В научный оборот она была введена в 1851 г. А.Ф. Бычковым (1851, с. 157–159). Он дал подробное описание чары, а также чтение и палеографический анализ надписи. Надпись, по мнению А.Ф. Бычкова, почти полностью находит палеографические аналогии в письменных памятниках XI в. и, преимущественно, XII в. В летописях известен только один князь Владимир

Давыдович, бывший черниговским князем с 1139 и убитый в 1151 г., поэтому первоиздатель связал чашу с его именем. С тех пор чара Владимира Давыдовича прочно вошла в фонд самых известных подписанных произведений русского прикладного искусства и имеет весьма солидную библиографию (Орлов, 1952, № 20, с. 30–31, 220–221; Рыбаков, 1964, № 24, с. 28; Бочаров, 1984, с. 101–103; Медынцева, 1991, с. 26–39; 2000, с. 104–114; Турилов, 2009, с. 393–399).

Как уже говорилось, чаша выкована из целого листа серебра, на вертикальном, слегка отогнутом ободе двойным контуром вычеканена заздравная надпись:

А СЕ ЧАРА КНА ВОЛОДИМИ-
РОВА ДАВЫДОВУА

КТО ИЗ НСЕ ПЬ ТОМУ НА
ЗДОРОВЬЕ

А ХВАЛА БОГА [И] СВОЕГО
ВСПОДАРА

ВЕЛИКОГО КНА

Надпись разделена на четыре части орнаментальными «процветшими» крестами. Многие исследователи, начиная с А.Ф. Бычкова, отмечали русские особенности надписи, ее «чеканный» стиль, напоминающий «Слово о полку Игореве» (Ржига, 1929, с. 53).

Но до сих пор в этой хрестоматийной надписи, в ее переводе и датировке много неясностей. На неясности в переводе, вернее, на его отсутствие впервые обратил внимание А. Исаченко (1977, с. 229–233), который отметил, что в четырех случаях имеются отклонения от ожидаемой орфографии. «Кня» вместо «князя», «давыдовча» вместо «давыдовича», «пь» вместо «пить». Пропущен союз «и», в остальных случаях пропуск букв не соответствует общим правилам

сокращений. Далее автор комментирует выражение «а хваля бога». Так как случаи побудительного союза /а/ с причастием неизвестны, он предполагает, что «хваля» – усеченная форма от «хваляте» (аналогично «пь» от «пить»), таким образом, перевод конца надписи: «да хваля/ть/ бога /и/ своего /г/осподаря великого кня/зя/». С предложенным переводом можно согласиться. Но указанными отклонениями отнюдь не исчерпываются особенности надписи. К ним можно добавить первые элементы вязи: наличие лигатур, выносных букв, причем разноформатных; использование редких начертаний: к ним относятся начертание **ѷ** в виде цифры четыре, **Ѹ** – в виде палочки с расщепом – формы, которая в других письменных памятниках встречается для XII в. как исключение. Так же не характерна для XII в. квадратная петля в **ѹ**, хотя она известна в некоторых граффити конца XI в. из Софии Киевской (Высоцкий, 1966, № 10, с. 45–47). Кроме того, впервые в письменном памятнике использован титул «великого князя». М.Д. Приселков считал, что в качестве титула в летописи он начинает использоваться с конца XII в. (с 1186 г.) (Приселков, 1940, с. 81). Но, возможно, он появился и раньше, так как «великий князь» киевский упоминается еще в русско-византийских договорах 911 г. (ПСРЛ, 1962. Стлб. 33, 46). В.Л. Янин сомневается в том, что титулатура в это время отражала возникновение новых форм великокняжеской власти и считает, что в XI–XII вв. различия в терминах «князь» и «великий князь» имели гораздо меньшее значение, чем в позднейшей феодальной титулатуре (Янин, 1970, с. 21–22). Не вызывает удивления отсутствие слабых реду-

цированных (князь, кто), так как они окончательно исчезают на протяжении первой половины XII в., но обращает внимание отсутствие слабого редуцированного **Ъ**, проявившееся в написаниях «здоровье, пь[е]», вместо «здоровие, пи[е]». Обычно они сохраняются в рукописях до конца XII в. (Борковский, Кузнецов, 1963, с. 101–102), хотя его утрата наблюдается уже в некоторых памятниках XI в. (Колесов, 1980, с. 124).

Таким образом, можно отметить, что надпись демонстрирует целый ряд особенностей в графике, фонетике и лексике, которые становятся типичными не в XII в., а позднее. Если вспомним, что чара происходит из Сарая-Берке (столицы Орды), то естественно будет предположить, что она датируется несколько более поздним временем и принадлежит другому князю. На этих особенностях, неоднократно указанных исследователями, строит свою гипотезу о принадлежности чаши неизвестному великому князю Владимиру Давыдовичу второй половины XIII – первой половины XIV вв. А.А. Турилов. Кроме того, им подчеркиваются такие особенности, как применение вязи, хотя он справедливо отмечает, что она довольно специфическая, без лигатур. Но уже отмечалось, что этот прием оправдан неумением или нежеланием мастера рассчитать места для слов, а вязь появляется за счет малоформатных букв к концу фраз, размеченных заранее изображениями крестов. Вязь эта весьма своеобразна, и аналогии ей имеются в ранних памятниках, таких как Стерженский крест 1133 г. (имеющий, к счастью, дату в тексте), а соподчиненные буквы нередки в надписях при изображении святых на произ-

ведениях прикладного искусства домонгольского времени. Важное место в статье А.А. Турилова занимает критика палеографических аргументов А.Ф. Бычкова, высказанных в середине XIX в. с позиций современного уровня палеографии и лингвистики, что вполне закономерно. Кроме того, он приводит аналогии необычным начертаниям таких букв как **Ч**-образное **У**, с перекладной, **ОМЕГИ** с разведенными петлями. По аргументированному мнению А.А. Турилова, эти начертания, как и другие – **А** с вертикальной спинкой, **З** с хвостом в виде плоской дуги, **Ы** с квадратной петлей, отмечаемые исследователями и ранее, более характерны для памятников XIII–XIV вв., хотя отдельные примеры подобных начертаний встречаются и в более раннее время. Он замечает, что «подобная концентрация разнообразных новаций была бы оправдана, если бы речь шла о переломном периоде в истории русской письменности...» (Турилов, 2009, с. 393). Но и сама надпись на чаше необычна – она до сих пор является одной из самых обширных (90 букв) орнаментальных надписей светского содержания, свободных от канонических стереотипов, связанных с устным поэтическим творчеством.

Вероятно, особенности надписи объясняются ее назначением. Прежде чем остановиться на этом обстоятельстве подробнее, нужно отметить еще одну особенность: наличие первоначальной черновой разметки надписи. Уже неоднократно было замечено, что при внимательном рассмотрении чеканной надписи можно увидеть еще одну – процарапанную. Она видна на открытых частях букв основной надписи, не тронутых че-

каном, что позволяет сделать вывод о том, что она была процарапана до чеканки основной надписи. На фоне, покрытом канфарением, процарапанная надпись почти не сохранилась, за исключением некоторых наиболее глубоких черт, видных и после канфарения. Однако, несмотря на фрагментарность и отсутствие некоторых слов, можно почти полностью восстановить первоначальный вид надписи: «**А СЕ ЧАРА КНА[З]А ВОЛОДОВОА ДВДОВИ[УА] КТО ИЗ НЕЕ ПЬ [ТО]МУ НА ЗДОРОВ[Ь] С А ХВАЛА БО[ГА] СВОЕГО ШПОДАРА ВЕЛНКОГО...**».

Таким образом, процарапанная надпись по содержанию представляет первоначальный вариант, своего рода черновик основной надписи. Однако расположение надписей на чаре и их тексты не везде совпадают между собой.

Чеканная надпись в своих первых словах («а се чара») совпадает с процарапанной, но к концу фразы далеко выходит за пределы последней. Аналогичная картина наблюдается и в следующей фразе «кто из нее пь». Первые буквы обеих надписей совпадают, затем происходит некоторое смещение их.

Видимо, мастер перед чеканкой первой фразы процарапал ее на чаре. Однако чеканная фраза заняла гораздо больше места. То же самое случилось и со следующими фразами. В результате этого вся надпись заняла несколько больше места, чем предполагал мастер. Возможно, именно поэтому в конце надписи появились лигатуры, отсутствующие в ее начале.

Судя по расположению, процарапанная надпись не была строгой разметкой чеканной надписи, а представ-

ляла собой лишь ее приблизительный вариант. Так, между основной и процарапанной надписью есть некоторые отличия: вместо чеканного **КНА** по всей вероятности было процарапано **КНАЗА**, вместо **ВОЛОДНМНРОВА** – **ВОЛОДОВОА**, отчество в процарапанной надписи дано под титулом: **ДВДОВИ[ЧА]**. Кроме того, в процарапанной надписи отчества после **в** написано **и**, пропущенное при чеканке. Однако, несмотря на различия чеканной и процарапанной надписей, они, вероятно, были сделаны одной и той же рукой, о чем говорят ошибки в написании буквы **У** – в обеих надписях она написана наоборот. Все это говорит о том, что эти надписи были сделаны в одно и то же время. Но текст их совпадал лишь приблизительно. Так, в черновом варианте отсутствовала усеченная форма **пь** (пить), но сохранилась **ХВАЛА**. Кроме того, если судить по сохранившимся элементам букв, не совпадали последние слова надписей: в чеканной надписи **ВЕЛИКОГО КНА[ЗА]**, в черновом по остаткам букв читаем слово **ВЕЛНКОГО**, но вместо ожидаемого **КНА** или **КНАЗА** читаются следующие буквы «-е-(о)-е-». Следовательно, окончание фразы было иным. По сохранившимся частям букв можно попытаться его прочесть. После отчетливо читаемого **о** и остатков верхней черты от **г** (окончание предшествующего слова **великого**), следует канфаренный промежуток и отчетливо читаемое **С**, легко предположить, что это остатки частицы **НС**. Затем следует промежуток канфаренного фона и остатки верхней части буквы **О**, остатки вертикальной мачты какой-то буквы и снова полностью сохранившееся **С**. Возможно, это последнее слово следует читать: **ОП(Ь)С[ТЬСА]**,

или вернее, **ОУПЬЄ[ТЬЄА]**, так как в древнерусских источниках это слово встречается в такой форме (Срезневский, 1903, стлб. 1238).

Таким образом, смысл надписи меняется: «кто из нее пье/ть/, тому на здоровье..., а хваля бога /и/ своего господаря великого не упе/тся/. Этот текст полностью отвечает морально-этическим представлениям того времени, отраженным в таких произведениях, как, например, «Изборник 1076 г.», служивший практическим руководством по различным жизненным вопросам для высших слоев древнерусской феодальной знати. В этом «Изборнике», написанном для деда Владимира Давыдовича – Святослава, содержится ряд высказываний о воздержании и вреде пьянства, например, высказывания, приписываемые святому Нилу: «Пий вино помалу, елико бо скудно пиется, толико благо твори пиущим» (Изборник, 1965, л. 236).

Предложенная реконструкция говорит о том, что в процессе исполнения изменен не только текст, но и первоначальный замысел надписи. Это обстоятельство заставляет по-новому взглянуть на лакуны и в середине черновой записи, а именно, на вторую фразу. В окончательном, чеканном варианте она звучит так: «**кто из нее пье[ть] томү на здоровье**». Черновая надпись совпадает с ней в первых двух словах, следующее слово **нее** читается в обеих, но при этом чеканная занимает несколько больше места, поэтому первая буква следующего слова **п** отчетливо читается на широком поле буквы **Є** чеканной. Затем следует лакуна из нескольких чеканных букв с остатками черновой разметки и снова совпадают две последние буквы в слове **томү**. Все, что первоначально

находилось между этими словами, неясно, но бросается в глаза несоразмерно большое пространство, отведенное для написания отсутствующих пяти букв, даже если считать, что слово **пьеть** написано полностью. Возможно, что мастер дважды повторил это слово, или написал его очень широко в расчете на чеканную надпись. Но в других местах черновой разметки такой прием отсутствует. Поэтому не исключено, что первоначально здесь должно было быть добавочное слово. Судя по остаткам буквы **ѣ** это могло быть слово «**ПОМАЛѣ**» – мало, немного (Срезневский, 1900. Стлб. 106). Таким образом, первоначальный текст-замысел надписи такой: «се чара Волододова Давыдовча. Кто из нее пье[ть] помале, тому на здоровье, а хваля бога [и] своего [г]осподаря великого не упе[тся]». При этом нужно иметь в виду, что восстановление последнего слова подтверждено сохранившимися остатками букв, а слово «помале» восстанавливается лишь по наличию лакуны, остатку одной буквы и по смыслу. Но и отсутствие этого слова не слишком меняет смысл заздравной надписи: пить на здоровье, во хвалу князю, но не «упиваться».

Большая емкость чары, около 8 литров, на первый взгляд, противоречит такому пониманию надписи. Но если учесть, что серебряная чара была парадной, предназначенной для званых пиров посудой, из которой князь пил с многочисленными гостями «вкруговую», то размеры чары перестанут удивлять. Призыв заздравной надписи пить «помале» находилось в полном соответствии с другими нравоучительными изречениями «Изборника»: «пите мерное сыть наполняет и веселит, безмерное же бешенство есть» (Изборник 1076, л. 237).

Рис. 1. Чара Владимира Давыдовича (фото).

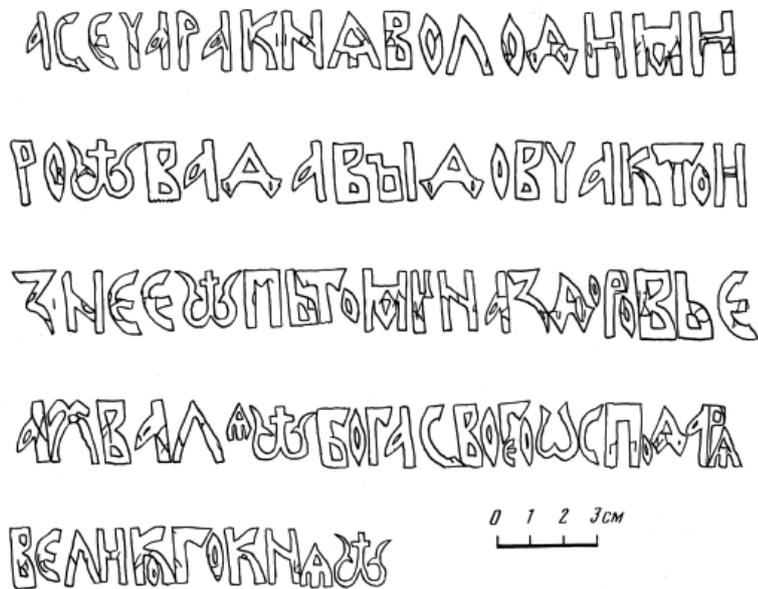

Рис. 2. Прорись надписей на чаре Владимира Давыдовича.

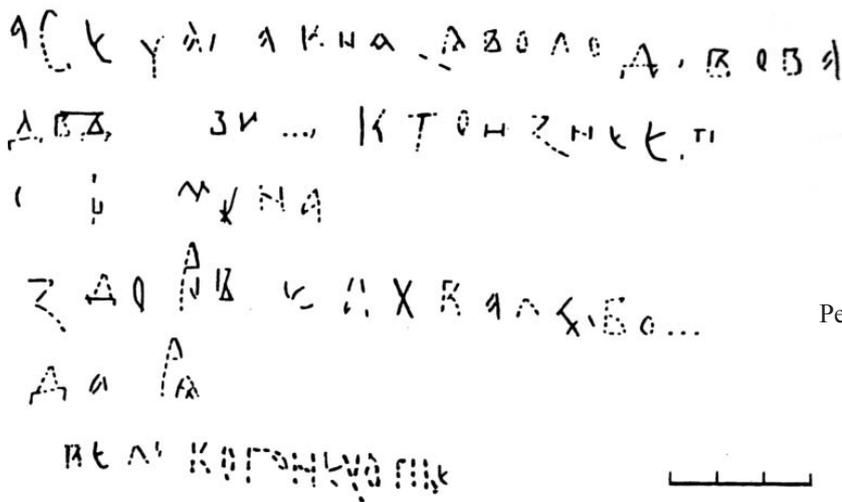

Рис. 3. Реконструкция черновой разметки надписи.

Не только княжеские Изборники, но и эпическая поэзия осуждает чрезмерное питье. Существовал особый строгий обряд, согласно которому до каждого гостя должна была дойти круговая чара, ходившая по кругу «рядом», по определенному порядку. В известных былинах об Алеше Поповиче и Тугарине Змеевиче подчеркивается невоспитанность Тугарина, который выпивает «чару» в полпята ведра ... одитным духом досуха», в то время как Алеша Попович соблюдая пиршественный этикет «потихоньку пьет» (Липец, 1969, с. 202).

Сравнение двух надписей – черновой и чеканной, позволяет заглянуть и в творческий процесс мастера, объясняет многие особенности окончательного варианта.

Очевидно, сначала мастер разметил обод, предназначенный для надписи четырьмя декоративными крестами на четыре равные части. Об этом говорит совпадение (в двух случаях) черновой наметки и чеканных изображений крестов. Но разделение обода на четыре части не соответствовало трем фразам надписи, поэтому уже первая фраза находит на предварительную наметку креста. Далее снова совпадает начало второй фразы, вероятно, написанной мастером после того, как он кончил чеканить первую фразу, затем более или менее совпадая, обе надписи идут синхронно, за исключением окончания. Создается впечатление, что процарапанная запись будущего «торжественного» текста – не предварительная разметка, а лишь приблизительная запись. При исполнении орнаментальной надписи мастер менял и написание слов, и их расположение, и форму букв и даже смысловую нагрузку надписи. Это обстоятельство полностью опровергает слепое копирование, неизбежное при

неграмотности самого мастера, хотя некоторые исследователи не исключают и такое объяснение появления надписей на произведениях ремесла (Кузаков, 1978, с. 21–22).

Обычно употребление лигатур в задравной объясняет неверным расчетом и торопливостью исполнения. Действительно, к концу задравной надписи буквы становятся теснее, а лигатуры и разноформатные буквы – чаще. Но уже в черновой надписи мастер использует разноформатные буквы. Отсутствие точной разметки в данном случае свидетельствует о владении мастера письмом, еговольное обращение с самим задравным текстом.

Графические различия надписей представляют большой интерес так как показывают разницу между двумя стилями письма. Буквы чеканной надписи близки к современным им книжным заставкам, к начертаниям букв орнаментальных надписей на камнях и произведениях прикладного искусства. Процарапанная надпись сделана быстрым, неровным почерком, мастер упростил начертания букв, написаны они более небрежно, больше вариантов одной и той же буквы.

А.А. Турилов производит сравнение черновой надписи с начертаниями букв на бересте, по таблицам, изданным А.А. Зализняком (2000, с. 152–217) и приходит к выводу, который до него делали и его предшественники: черновую надпись отличает та же особенность, что и чеканную, а именно – обилие форм, ставших типичными позднее, в XIII–XIV вв., а в памятниках XII в. встречающихся как исключение. Какую-то часть из них (например, «и» с косой перекладиной наряду с «и» с горизонтальной перекладиной) можно объяснить небрежностью письма черновой надписи и

трудностью прочерчивания линий по твердому материалу, но, вероятно, большинство имеет другое объяснение. Первое, что приходит в голову, это что чаша относится к более позднему времени и принадлежит другому князю, и с аргументами А.А. Турилова можно было бы согласиться, так как такого количества инноваций не знает, пожалуй, ни один памятник эпиграфики XII в., хотя в качестве исключения отдельные «сомнительные» начертания можно встретить и в XI–XII вв. Но сочетание имени и сравнительно редкого отчества, титул «великого князя» не дают оснований видеть во владельце чары какое-либо иное лицо. В.Н. Татищев упоминает еще одного черниговского князя Владимира Давыдовича, умершего в 1201 г. (Татищев, 1964, с. 287). Казалось бы, время жизни этого князя больше соответствует хронологическим особенностям надписи на чаре. Но историки давно уже выяснили, что упомянутый Татищевым князь – лицо нереальное (Зотов, 1892, с. 284). А.А. Турилов признает, что наиболее слабым звеном предложенной им передатировки является отсутствие в источниках XIII–XIV вв. упоминания князя с подобным сочетанием имени и отчества. Между тем, это чрезвычайно редкое сочетание (отсутствующее во всех синодиках и справочниках этого времени – ссылаюсь на любезную консультацию О.В. Кучкина), особенно странное для великого князя, сама форма чаши, находящая аналогии в керамической посуде XII – начала XIII в., и, наконец, расточительное расходование серебра (чаша объемом 8 л выкована из целого листа серебра), трудно объяснимое для послемонгольского времени, когда Русь испытывала дефицит этого металла в связи с выплатой дани; все эти обстоятельства отнюдь не объясняют-

ся новой датировкой. Инновации могли быть полностью объяснены упоминанием в источниках XIII–XIV вв. великого князя Владимира Давыдовича. Но пока такой князь не известен, единственным предполагаемым владельцем чаши остается черниговский князь Владимир Давыдович, а особенности палеографии и фонетики надписи проще объяснить ее светским назначением, чем новой датировкой. Кроме того, наряду с относительно поздними формами, в графике отражены и достаточно архаичные черты: «**А**» с маленькой остроугольной головкой, **Б** – с треугольной петлей, **Н** – с горизонтальной переключиной, расположенной посередине буквы, **В** – с почти равновеликими петлями. Вероятно, на первом месте должно быть бытовое предназначение и орнаментальный стиль надписи. В орнаментальном письме, как в рукописном, так и лапидарном, многие формы возникают гораздо раньше, чем в обычном (Медынцева, 1979. С. 40), точно так же, как «вязь металлической посуды» опережает вязь рукописную (Щепкин, 1967, с. 41). Надпись на чаре – один из самых ранних образцов последовательного применения элементов вязи, но не единственный. Другой – уже упоминавшаяся надпись на кресте Иванки Павловича (1133 г.), где тоже имеются лигатуры и пропущенные буквы, хотя и в меньшем количестве. По общему облику надпись обнаруживает сходство с евхаристической надписью на мозаике Михайловского монастыря в Киеве (1108 г.): там встречаются близкие формы букв **В**, **Б**, **Н**, **Р** и **W** (Лазарев, 1966. Табл. 4). Таким образом, в какой-то мере это наблюдение может относиться и к черновой разметке (например, форма **А** – с длинным хвостом и др.), но очевидно, декоративность также не

может объяснить всех особенностей надписей.

Обе надписи полностью свободны от церковнославянизмов, более того, в них проявляются и диалектные явления в языке. Русское полногласие проявилось в написаниях «Волододова» (черновая), Володимерова (чеканная), здоровье (в обеих); **НСС** вместо старославянского «**НСѣ**» и правильного русского **Нѣ** свидетельствует еще и о каких-то изменениях в произношении **ѣ**. В данном случае он заменен на **Ѣ**. Примеры смешения **ѣ** и **Ѣ** наблюдаются уже в древнейших памятниках письменности, в том числе и в окончаниях (вместо **И** и **ѣ**), причем в разных диалектных зонах (Филин, 1972, с. 165–166, 169–170). Трудно в данном случае говорить о каком-то конкретном диалекте, тем более о черниговском, как это представляется А.А. Турилову, так как хорошо известно, что в средневековые мастера часто мигрировали и мастер не обязательно был уроженцем черниговской языковой зоны. Более определенные указания, возможно, дает наличие усеченной формы глаголов (3 л. наст. вр.), повторенное дважды (пъ, хваля) в чеканной надписи. Исследователи отмечают, что формы без «т» представлены в большей степени на русском северо-западе и на юге (Филин, 1972, с. 439). Можно отметить и наличие в надписи сочинительной конструкции с союзом «а», выражающим причинно-следственное отношение, где сказуемое первого предложения выражается глаголом изъявительного наклонения, а сказуемое второе – глаголом повелительного наклонения (в данном случае – изъявительного наклонения в побудительном значении). Такой тип сочинительной конструкции не был общераспространенным явлением и представлял собой диа-

лектное явление, ограниченное территорией юго-западной Руси (Филин, 1972, с. 503–504). Вероятно, именно таким образом следует понимать конструкцию: «се чара Владимира Давыдовича ... а хваля [те] бога [и] своего осподаря...» в чеканном окончательном варианте (Эта чара Владимира Давыдовича... да хвалите бога и своего осподаря!). Но в первоначальном варианте, насколько можно судить по сохранившимся словам, была использована другая конструкция: «Это чара Владимира Давыдовича, кто из нее пьеть тому на здоровье, а хваля бога [и] своего государя... не упьется», т.е. «хваля» в данном случае не усеченная форма глагола, а причастие.

На возможность такого варианта заздравной надписи указывают тексты, сохранившиеся на более поздних (XVI–XVII вв.) братах. Наряду с такими надписями, как «пити из нея на здравие всякому», на одной из них находится надпись, текстологически близкая надписи на чаре Владимира Давыдовича: «пити из нея за здравие всякому добротному человеку, благодаря бога и моля за государя» (Никольский, 1925, с. 74–75).

Таким образом, мастер, сокращая надпись, воспользовался совпадением причастия и диалектной формы и изменил редакцию первоначального текста.

Если понимание этой конструкции верно, то мы получаем указание на происхождение диалектизмов надписи. А они не исчерпываются вышеуказанными. К ним относится и форма «осподаря» отражающая диалектный пропуск «г» (Ү или h). По поводу объяснения подобных написаний среди лингвистов нет единого мнения. Одни исследователи считают его наследием древнекиевского произношения (Шахматов, 1941, с. 91–92), другие, учиты-

вая наличие подобных написаний в берестяных грамотах, связывают их происхождение с общерусскими процессами (Селищев, 1941, с. 183; Аванесов, 1955, с. 98-99; Борковский, 1958, с. 106–107). Ф.П. Филин считает, что восточнославянская языковая область по произношению «g» очень рано разделилась на две диалектные зоны: южную и северную, при этом взрывной звук сохранился в произношении словен и кривичей, а в остальных племенных диалектах он изменился в фрикативный (Филин, 1972, с. 244–255).

В данном случае, учитывая происхождение чары (владелец – черниговский князь) и наличие южного, возможно, юго-западного диалектизма (см. выше), это написание может отражать южное произношение.

К диалектизмам, возможно, следует отнести имя «Волод» в черновой записи, измененное на правильное «Володимир» в чеканной. Хотя такая форма имени на русской почве могла появиться в любой области, в летописи имена «Володша», «Володарь», известны, в основном, среди галицких и полоцко-минских князей.

Таким образом, обе надписи (и чеканная, и черновая разметка) на сравнительно небольшом материале демонстрируют диалектизмы мастера, как мы можем предполагать, южнорусского или юго-западно-русского происхождения. Заздравная надпись на чаре, величающая князя и его гостей, конечно, находилась в тесной связи с устной поэзией и поэтому совершенно свободна от традиционной книжной лексики и правописания. Именно поэтому в ней ярко отразились и диалектное произношение, и новые явления в истории языка, так своеобразна графика, сочетающая элементы нового и старого. Княже-

ский ремесленник, свободно владеющий не только своим ремеслом, но и письмом, в процессе работы менял и смысловой акцент, и слова, и графику надписи. Тексты обеих надписей позволяют не только сравнивать графику «делового» и «торжественного» стиля, но свидетельствуют, что многие явления в истории языка гораздо раньше отражаются в памятниках так называемой «бытовой», а не канонической, традиционной письменности. Это явление отмечено для новгородских берестяных грамот, материал которых позволил выявить целый ряд особенностей древненовгородского диалекта, почти не нашедших отражения в книжной письменности (Зализняк, 1984, с. 36–153).

Нет единого мнения о художественных достоинствах чары. Некоторые исследователи считают ее скромно оформленной, торопливой работой, связанной с внезапностью вокняжения Владимира Давыдовича в Чернигове в 1139 г. (Рыбаков, 1964, с. 28). Но все же чара впечатляет как размерами, так и красиво оформленной надписью, украшенной изящными крестами. Г.Н. Бочаров отмечает пластичность обработки, контрастирующей с декоративным венчиком, справедливо оценивая чашу как редкий образец светского искусства, подражающий привычным формам деревянной и, добавим, керамической посуды (Бочаров, 1984, с. 103).

Заказчик чары, Владимир Давыдович, был внуком Святослава черниговского и вместе с братом Изяславом активно участвовал в междоусобных войнах Всеволода II Олеговича с Юрием Долгоруким. В 1139 г., когда Всеволод становится киевским князем, он неожиданно, в обход ближайших родственников, сажает Владимира Давыдовича на черниговский стол. Имен-

но с этим моментом – мартом 1139 г. связывают обычно изготовление заздравной чары, где Владимир Давыдович называет себя «великим» князем (Рыбаков, 1964, с. 28). Усобицы, поощряемые политикой Всеволода II, не прекращаются и даже обостряются после его смерти, когда киевским князем становится Изяслав Мстиславич. Черниговские Давыдовичи выступают то на стороне великого князя, то Юрия Долгорукого, пока, наконец, не сталкиваются в качестве противников в битве на Руте 5 мая 1151 г. Здесь Владимир Давыдович сражается вместе с половцами на стороне Юрия Долгорукого, а его брат Изяслав Давыдович – на стороне киевского Изяслава. Битва кончилась поражением Юрия, а Владимир Давыдович был убит. На поле брани его тело находит брат Изяслав, отвозит в Чернигов, чтобы похоронить в Спасском соборе, а сам становится черниговским князем (Рыбаков, 1971, с. 106–110).

Так заканчивается недолгая, полная интриг, походов и сражений жизнь «великого князя» Владимира Давыдовича. Но его величальной чаре, изготовленной по случаю вокняжения, была суждена долгая и самостоятельная история. Как уже упоминалось, она была найдена в 1843 г. при раскопках на Царевском городище (Полубояринова, 1978, с. 55). Поэтому предполагали, что она попала в столицу Золотой Орды после взятия татарами Чернигова в 1239 г. Такой путь, конечно, вероятен. Но, возможно, она попала в Сарай при других обстоятельствах. В.Ф. Ржига предположил, что чара попала в Золотую Орду не военным путем, так как в летописях сохранилось «любопытное известие», что вдова Владимира Давыдовича бежала в половецкую землю и вышла замуж за хана Башкорда (Ржига,

1929, с. 53). Если учесть дальнейшую судьбу Давыдовичей и Черниговского стола после смерти Владимира, это предположение будет выглядеть еще вероятнее.

Первоначально жизнь нового черниговского князя (Изяслава) складывалась удачно, ему даже на короткое время удалось стать великим киевским князем после неожиданной смерти Юрия Долгорукого, а его племянник, сын Владимира Давыдовича Святослав становится князем черниговским. Но Изяслав Давыдович задумал поход на Галич и в результате «превратился из великого князя киевского в бездомного изгоя, довольствовавшегося городком Вырем, сложил свою голову под саблей в лесу близ Белгорода», а его племянник еще раньше уступил Чернигов Святославу Ольговичу. После смерти своего дяди и сюзерена Святослав Владимирович отсиживается в глухих брянских лесах в качестве Вщижского князя (Рыбаков, 1971, с. 114–116). На этом князе кончается династия Давыдовичей, после его смерти в 1166 г. его стол, как выморочный, достается сыну черниговского Святослава Ольговича (Зайцев, 1975, с. 85, 98).

При таких обстоятельствах трудно представить, что величальная чара, называвшаяся великим князем Владимира Давыдовича, находилась в сокровищнице черниговских князей, а не была перелита по обычаям того времени. Поэтому более вероятен другой путь, через половцев. Известие о побеге вдовы Владимира Давыдовича «в половцы» помещено в летописи под 1159 г., когда ее второй муж Башкорд с 20 тысячами половцев приходит к Белгороду на помощь Изяславу Давыдовичу. Летописец поясняет, что Башкорд «вотчим Святославлі Владимирича, бе бо мати его бежала в Половцы и шла за нь...» (ПСРЛ, 1949, с. 65).

Вероятно, побег матери Святослава состоялся после смерти мужа (1151 г.), когда ее малолетний сын получает в удел третьестепенный Вщиж, а черниговский стол переходит из рук в руки. Надо думать, этот «побег» был чисто символическим, так как впоследствии сохраняются связи с бывшими родственниками. Среди приданного новой половецкой княгини могла оказаться серебряная чара ее первого мужа, и уже впоследствии, через половецкие степи, чара могла попасть к татаро-монголам. При отсутствии прямых наследников в русской среде сохранение величальной чары более вероятно именно таким путем.

Как бы то ни было, чара русского князя оказывается в столице Золотой Орды и находится там почти 150 лет, пока Новый Сарай не был разрушен в конце XIV в. Тимуром. Русские вещи в Золотой Орде – явление широко распространенное, но, как правило, это рядовые ремесленные изделия, массовая продукция, причем нужно отметить, что многие русские вещи имеют дату более раннюю, чем слой, в котором они были найдены (Полубояринова, 1978, с. 55, 129). Чара Владимира Давыдовича представляет собой исключение по ценности и мастерству оформления, но с золотоордынской территории происходит еще одна драгоценная находка, снова напоминающая о чаре черниговского князя. При раскопках кургана под Краснодаром Н.В. Анфимовым найден русский серебряный ковш, круглый в плане, с чеканным изображением орла на пелюсти. На дне – круглая мишень с арабским эпиграфическим орнаментом. Этот ковш, своеобразно сочетающий русскую форму и восточный орнамент, как предполагала Т.В. Николаева, может иметь золотоордынское происхождение (Николаева, 1976, с. 208, 210–211, рис. 74, 75).

Это вполне правомерное предположение, так как известны произведения мелкой пластики русских мастеров, работавших в Золотой Орде, находившихся отчасти под влиянием восточного искусства (Рындина, 1972, с. 227; Полубояринова, 1978, с. 124–125). О чаре Владимира Давыдовича напоминает русская надпись по краю ковша: **СѢ КОВШЪ ДМИТРИ КРУЖДОВНУА КТО ІСПЬЕТЪ ТОМУ ЗДРО**. Т.В. Николаева датировала надпись первой половиной XIV в.

Обращает внимание совпадение надписи с формулой задравной надписи на чаре Владимира Давыдовича, вернее, с ее первой половиной. Но, возможно, обе надписи воспроизводят широко известную формулу? Вспомним хотя бы надписи на более поздних русских братинах. Убеждает в том, что черниговская братина была отдаленным прототипом ковша, помимо самого текста, его оформление, техника исполнения надписи. Как и на чаре Владимира Давыдовича, буквы выполнены резцом двойным контуром, а фон покрыт канфарением, при этом выбитые точки, как и на чаре, образуют вертикальные неровные линии, в то время как на русских произведениях искусства этого времени фон покрывается косой насечкой. Так же, как и на чаре, надпись разделена изображением креста, но более грубым и лишенным орнаментальных украшений.

Использование одной и той же задравной формулы, оформление надписи, вероятное использование ковша в золотоордынской среде, делают возможным сопоставление этих двух вещей. Но бросается в глаза более грубое исполнение ковша и надписи с неумелым использованием лигатур, грубым канфарением, примитивным

изображением креста. Совершенно иная палеография надписи, ярко отражающей особенности письма XIII – первой половины XIV вв., подробно рассмотрена Т.В. Николаевой. Вероятно, чара Владимира Давыдовича была известна среди русского населения Нового Сарая и надпись ее послужила в качестве прототипа как по тексту, так и по технике исполнения какому-то мастеру, изготовившему ковш для неизвестного Дмитрия Круждовича,

христианина, а может быть, и русско-го по происхождению, хотя такое отчество по русским источникам не известно.

Кончая очерк о черниговской чаре, нужно еще раз подчеркнуть ее значительную ценность не только как «любопытного факта» русской истории, но и как произведения русского прикладного искусства, письма, отражающего длительные контакты между Русью и степной зоной.

ЛИТЕРАТУРА

Борковский В.И. Лингвистические данные новгородских грамот на бересте // Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1953–1954 гг.). – М., 1958.

Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. – М., 1963.

Бочаров Г.Н. Художественный металл Древней Руси. – М., 1984.

Бычков А.Ф. О серебряной чаре XII в., принадлежавшей черниговскому князю Владимиру Давыдовичу // Записки археологического общества, служащие дополнением Записок Санкт-Петербургского Нумизматического общества. Т. III. – СПб., 1851.

Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М., 1975.

Зализняк А.К. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. – М., 1984.

Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. – СПб., 1892.

Изборник 1076 г. – М., 1965.

Исаченко А. Как читать надпись на чаре Владимира Давыдовича (до 1151 г.)? // Russian linguistics. International Journal for the Study of the Russian Language. – 1977. – Vol. 3. – № 3/4.

Кузаков В.К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X–XVII вв. – М., 1976.

Лазарев В.Н. Михайловские мозаики. – М., 1966.

Литец Р.С. Эпос и Древняя Русь. – М., 1969.

Медынцева А.А. Тмутараканский камень. – М., 1979.

Медынцева А.А. Подписные шедевры древнерусского ремесла. – М., 1991.

Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси. – М., 2000.

Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. – М., 1976.

Никольский В. К вопросу о формах и происхождении древнерусской братины // Сборник Оружейной палаты. – М., 1925.

Орлов А.С. Библиография русских надписей XI–XV вв. – М.; Л., 1936.

Орлов А.С. Библиография русских надписей XI–XV вв. – М., 1952.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. – М., 1978.

Приселков М.Д. История русского летописания. – Л., 1940.

Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская и Суздальская летопись по академическому списку. – М., 1962.

Полное собрание русских летописей. Т. XXV – М.; Л., 1949.

Ржига В.Ф. Очерки из истории быта домонгольской Руси // Тр. ГИМ. Вып. 5. – М., 1929.

Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XV вв. // САИ. – 1964. – Вып. E1-44.

Рындина А.В. Суздальский змеевик // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. – М., 1972.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. – СПб., 1895. Т. II.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. – СПб., 1903.

Татищев В.Н. История Государства Российского. Т. III–IV. – М.; Л., 1964.

Турилов А.А. Чара великого князя Владимира Давыдовича – памятник русской культуры XIV столетия // Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники. – М., 2009.

Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. – Л., 1972.

Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. – М., 1941.

Щепкин В.Н. Русская палеография. – М. 1967.

Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. – М., 1970.

CUP OF VLADIMIR DAVYDOVICH AS PROOF OF INTERCULTURAL CONTACTS

A.A. Medyntseva

Key words: Chernigov Knyaz Vladimir Davydovich (1139–1151), crude and embossing inscription on the cup, paleography, language dialectisms, artistic value.

A new research of a well-known inscription on a silver cup of Chernigov knyaz Vladimir Davydovich made it possible to conclude that this cup was produced in 1139, and later traces of the inscription's palaeography can be connected to its secular nature. The cup could have been brought to Novy Saray (Tsarevskoe site of ancient town) by the widow of Vladimir Davydovich who married the Polovets khan Bashkord. There is an assumption made that inscription on this cup could serve as an example for ladle of Dmitry Kruzhdovich made in the Horde in the XIVth century.